

Литературное путешествие

Из дневника писателя

НА БЕРЕГУ НЕРЛИ

Было это летом. Вместе с колхозниками отправился я ~~отплыть~~ на сенокос. Вот оно, Заерлье. Бескрайняя ширь лугов. Из-за железнодорожного моста виднелось Боголюбово, утопающее в садах.

Мы принялись за дело. Переворачиваем сено. Оно, как шелковое, шумит под граблями и вилами. С песнями и прибаутками работа спорится.

Работаем часа три подряд. Стог вырос наполовину. Но вот... помешал дождь. И тучки-то вроде бы маленькие. Откуда он только взялся.

На берегу Нерли мы спрятались в шалаш, быстро соорудив его из дреколев и сена.

Я достал из кармана огоньковскую книжечку.

— Ба! Стихи Светлова! — сказал один из колхозников. — Кстати, почитайте. Пусть все послушают!

И я начал читать.

— Как здорово пишет! — удивлялись все. — Расскажите нам что-нибудь о самом поэте!

Веселый дождик не унимался: работать пока было нельзя, и я охотно, не тратя времени даром, согласился.

Знал я Михаила Аркадьевича с 1923 года. Полвека прошло с тех пор!

После гражданской войны, приехав в Москву, я поступил учиться на рабфак искусств, писал и печатал стихи в разных московских газетах и журналах и был избран ответственным секретарем группы комсомольских писателей и поэтов «Молодая гвардия». Жили мы тогда на Покровке, в доме № 3. Длинные коридоры нашего общежития и днем и ночью освещались тусклым светом электрических лампочек, горевших в поллакала.

Зимой 1923 года в Москве было холодно, топлива не хватало и каждый согревался как мог. Я во втором этаже занимал комнату № 3 по соседству с Иваном Дорониным и Артемом Веселым. Доронин нагонял у себя тепло железной «буржуйкой». В моей комнате стояла маленькая кафельная печурка. Топить ее можно было лишь коротенькими полешками.

Купив на Сухаревке несколько березовых поленьев, я разделял их при помощи небольшой пилы и топорика на кусочки, похожие на белый постный сахар.

В это время вдруг растворилась коридорная дверь, послышались размеренные шаги.

— А! Здорово, дровосек! — раздался чей-то голос.

Положив на пол пилку и топорик, я поднялся.

Передо мной стоял среднего роста худощавый двадцатилетний парень в красноармейской шинели, кожаных сапогах, в буденовке с красной звездой. Это был Михаил Светлов. Я познакомился с ним накануне этого дня в издательстве «Молодая гвардия». Там выходили наши сборники и альманахи: «Молодость», «Молодая гвардия», «Молодогвардейцы».

— А где тут Артем Веселый живет? — спросил меня Светлов.

Артем Веселый, тогда уже известный писатель, автор повести «Реки огненные», был у нас в общежитии вроде бы старшиной. Мы к нему постучали.

— А, Миша! — обрадовался Артем, высокий, с черными усами на румянном лице. Он, видимо, собирался куда-то уходить. На нем была бескозырка с лентами, темный бушлат, суконные брюки «клевш» и большие матросские башмаки. — А я уж хотел идти за тобой к Безыменскому. Ты ведь у него почевал?

— Ну, да!

— Я тоже жил у него несколько недель, пока не перебрался сюда! Хороший парень.

Артем Веселый имел две комнаты — маленькую и большую. На полу в большой комнате лежали связанные веревками узлы и книги, мешок, чемодан, пара валенок.

— Это я на той неделе из Самары привез. Скоро приедут родители и брат Василий, — рассказывал он. — А для тебя я облюбывал комнату вверху надо мной. Вот попьем чайку и поглядим. Не знаю, понравится ли тебе?

Комната в пятнадцать квадратных метров с балконом глядела на солнечную сторону, на Покровку. Это понравилось Светлову.

— А что... неплохая каюта! — сказал он, улыбнувшись.

Уж два года прошло с тех пор, как окончилась гражданская война, а Светлов все еще ходил в шинель и буденовке.

У Светлова не было ни чемодана, ни какого-либо свертка с вещами, ничего, кроме сборничка стихотворений в кармане. Показав нам этот, похожий на ученическую тетрадку тоненький сборничек в синей дешевой обложке, он сказал:

— Вот, все мои пожитки!

К стене прислонились небольшой черный столик, два стула, в левом углу стояла железная кровать с соломенным тюфяком. Но на кровати не было подушки и одеяла.

В одной из комнат, по соседству с Фадеевым и Либединым жила комсомолка писательница Валя Герасимова. К ней и зашел Светлов.

— Валя, — спросил он. — Нет ли у тебя займы подушки и одеяла? Когда разбогатею, непременно верну, честное слово. Я не жадный!

Герасимова принесла ему подушку и одеяло.

— Спасибо, Валя, — поблагодарил Светлов...

В той комнате на третьем этаже Михаил Аркадьевич Светлов прожил семь лет. Здесь им были написаны «Рабфаковка», «Гренада», «Каховка» и многие другие стихи, ставшие классикой советской поэзии...

Сейчас, когда я пишу эти воспоминания, на улице Владимира дует ветер, моросит дождь и мне вспоминается сенокос, берег Нерли, веселый дождик, когда деревенские парни и девушки слушали стихи Светлова.

В. СВЕТОЗАРОВ.